

X.G. Магомедсалихов

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ И ПРОКЛЯТИЯ АВАРЦЕВ: СОЦИО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ, ТИПОЛОГИЯ

Х.Г. Магомедсалихов*

Аннотация. Предметом анализа в статье стал оригинальный жанр устного фольклора аварцев – благопожелания и проклятия. Рассматривается социокультурная обусловленность формирования жанра, а также его трансформация в процессе общественной динамики. Достаточное внимание уделяется анализу обусловленности жанра возрастными и гендерными особенностями. Также акцентируется внимание на мотивации благопожеланий и проклятий психоэмоциональными особенностями аварцев, сопряженными с частыми конфликтами. В статье предпринята попытка систематизации благопожеланий и проклятий.

Ключевые слова: аварцы, благопожелания, проклятия, экология, систематизация.

Актуальность исследования благопожеланий и проклятий обусловлена уникальностью этого жанра, который наблюдается не у всех народов в одинаковой степени, в чем очевидна научная проблема. Изучение этого сегмента устного фольклора будет способствовать комплексной разработке духовной культуры аварцев, который оказывал существенное влияние на социальную коммуникацию. Опыт этой разработки также может оказаться полезным для аналогичных разработок по другим народам.

Жанр благопожеланий и проклятий является почти неисследованным сегментом духовной культуры у дагестанских народов, за исключением того, что отдельные слабые усилия собрать и представить тексты этого жанра ранее предпринимались. Так, в сборнике «Магическая поэзия народов Северного Кавказа» [1], а также в статьях А.М. Аджиева, Ф.О. Абакаровой, А.М. Ганиевой, М.М. Курбанова, Х.М. Халилова [2], нашли отражение отдельные вопросы магической поэзии в фольклоре народов Дагестана. В работе «Очерки устно-поэтического творчества даргинцев» [3] также имеется небольшой раздел, посвященный жанру благопожеланий и проклятий даргинцев. В очерках «Устно-поэтического творчества лаквов» [4] выделены и рассмотрены некоторые аспекты песенного жанра благопожеланий и проклятий лакцев.

В последние годы попытка собрать и системно представить тексты благопожеланий и проклятий у аварцев были сделаны автором этих строк [5]. Однако исчерпать этот жанр этноса одной брошюрой нереально, и работа над сбором и систематизацией текстов благопожеланий и проклятий после выхода работы продолжалась. Этим обусловлена актуальность сбора, систематизации и анализа благопожеланий и проклятий у аварцев.

Духовная культура этноса является своеобразным индикатором, который характеризует его социально-экономический уровень, степень общественно-политического развития, а также ментальные особенности. К тому же духовная и материальная составляющие культуры коррелируют между собой, структурируя характерную специфику социальной модели этноса.

Специфика социальной модели аварских союзов обществ («вольные общества») в традиционный (классический) период была в значительной степени обусловлена природно-географической средой или экологией проживания. Известно, что аварцы исторически проживают в горной части Дагестана, которая относится к числу самых сильно пересеченных мест земного шара; «насколькo трудно проникнуть в Дагестан снаружи, настолькo же труднее передвигаться внутри его. Эта дикость и скалистость еще больше повлияли на характер его населения, разбив и без того уже своеобразный дагестанский народ на целый ряд этнических групп» [6].

Фактор экологии оказывал непосредственное влияние на специфику хозяйственно-экономической деятельности, общественно-политическую структуру этноса, посредством которого происходило формирование, в том числе ментальных его особенностей.

Ментальную специфику аварцев рационально характеризовать эпитетами «спартанский», «аскетический», что было обусловлено экстремальными условиями жизнеобеспечения при крайнем дефиците материальных ресурсов, и эти факторы отразились на формировании психоэмоционального настроения этноса.

Характерной и выраженной ментальной особенностью для общественных отношений горцев-аварцев была эмоциональная вспыльчивость, быстрая возбудимость, как с положи-

* Магомедсалихов Хайбула Гамзатович – д. и. н., в. н. с. отдела этнографии ИИАЭ ДНЦ РАН (г. Махачкала) (Haibula45@mail.ru).

тельной, так и отрицательной динамикой, особенно, если дело касалось чести и самолюбия – «Его» аварцев. О природе выраженной эмоциональности горцев, представитель европейской цивилизации Е. Марков во второй половине XIX в. писал: «В Дагестане человек еще живет естественным существом своим, нередко раскрывая среди дикого быта своего, незнакомую нам силу духа и телесного здоровья, не уродуя себя в вялого кабинетного каплуна. Полудикий житель Дагестана является достойным имени человека – своею твердою волею, твердыми убеждениями, твердыми речами и поступками...» [7]. «Горец совсем не дорожит жизнью, если эта жизнь чем-нибудь обещанная» [7 с. 544].

Более выраженно быструю возбудимость и эмоциональную вспыльчивость горцев, в случае задевания чести, может демонстрировать следующий случай. «Назвать горца женщиной значило нанести ему самое большое оскорбление. «У нас в Н. Дженгутае, – рассказывает очевидец, – две недели тому назад поссорились на базаре за какую-то мелочь два человека. За то, что один из них назвал другого женщиной, последний при всем народе всадил кинжал другому в левый бок снизу вверх с такой яростью и силой, что конец огромного кинжала, пронзив легкие и сердце, вышел из ключицы правого плеча, и смерть наступила моментально» [8]. Хотя Н. Дженгутай – не горный Дагестан, однако случай при схожих обстоятельствах обязательно мог вызвать аналогичную реакцию у аварцев.

В плане выраженной эмоциональности примечательны также сведения по числу острых социальных конфликтов по Дагестанской области в более ранний период, когда за 1865 г. здесь было совершено 108 убийств и 304 поранений [9].

Часто мотивом для социальных конфликтов становились также экономические отношения: нарушение межевой границы на пахоте, кражи движимого или недвижимого имущества и т. д.

С учетом высокого конфликтного потенциала в обществах горцев функционально-коммуникативная роль благопожеланий как профилактирующего фактора на порядок возрастала. Собственно конфликтный потенциал явился одним из существенных катализаторов формирования жанра благопожеланий и проклятий, который индуцировал их социальную актуальность. Соответственно, изначальная социокоммуникативная функция благопожеланий и проклятий была в том, чтобы компенсировать деструктивный эмоциональный накал, ограничив интенсивность и остроту конфликтов, и не доводя инцидент до трагического предела. По этой же причине в речевом этикете аварцев популярным является выражение «сабру» – терпение, «Сабру – алжаналъул клул», – терпение – ключи от рая.

Итак, психоэмоциональный настрой аварцев коррелировал с речевым (вербальным) этикетом (благопожелания и проклятия) и невербальным поведением, как средствами межличностной коммуникации, посредством которых, в том числе, происходила психоэмоциональная стабилизация в социуме.

В процессе длительной и интенсивной социальной коммуникации тексты благопожеланий и проклятий выверялись, оттачивались и формировались в вербальные этикетные формулы в соответствии с различными жизненными циклами.

Коммуникативная функция благопожеланий была в том, что они создавали доверительный тон в общении, вносили элемент психоэмоционального комфорта в межличностные отношения. Так, например, вербальные, этикетные формулы благопожеланий типа «Алжан кьеги» – чтобы рай тебе был дарован, «Талихл кьеги» – чтобы счастье тебе было даровано, «Давла кьеги» – удачи во время военного похода и др. предворяли прошения, за которыми следовало само прошение.

Такой же доверительный (если не более) тон создавали благопожелания в эпистолярном жанре деловой переписки у аварцев. Так, ученый-арабист рубежа XVIII–XIX вв. Дибир-Кади из Хунзаха одно из своих писем завершает словами «О, Господи, сохрани нас истиной своей от смуты этого времени, зла безбожия и безбожников». Или в этом же письме другая цитата с аналогичным содержанием «Да наделит Аллах их своей милостью щедро» [10].

Как отмечалось, не у каждого этноса и не в одинаковой степени в речевом этикете сформировался жанр благопожеланий и проклятий, который зачастую отражает психоэмоциональный настрой в социуме. Формирование в устном фольклоре жанра благопожеланий и проклятий обусловлен определенными историческими условиями и иными факторами, которые для каждого этноса носят индивидуальный характер и идентифицируют его психоэмоциональную специфику. В контексте кросскультурных параллелей, учитывая строгую эмоциональную сдержанность японцев, априори можно отметить ограниченность в их речевом этикете формул благопожеланий и проклятий. В культуре японцев популярно выражение: «Самурай холоден, как его меч, хотя и не забывает огня, в котором этот меч был выкован». И действительно, самообладание и сдержанность – качества, которые с древних времен считались в этике японцев приоритетными, которые во многом обусловлены влиянием идеологии буддизма, проповедовавшего терпение, воздержание и сдержанность [11].

Психозэмоциональная сдержанность японцев, возможно, также объясняется экстремальными условиями среды их обитания, когда вечная борьба со стихией (частые землетрясения, цунами и т. д.) стала фактором, формирующим стойкий характер, как необходимое условие адаптации к суровой экологии. В том числе и по этой причине у японцев не сложились вербальные формулы в виде проклятий.

Здесь прослеживаются явные кросскультурные аналогии аварцев и японцев, в основе которых экстремальные условия жизни. Однако характер экстрима у аварцев был сопряжен с безопасностью, сохранением свободы и независимости против неприятеля, а также борьбой за ресурсы. Фактор безопасности доминировал, что способствовало маскулинности социума. То есть экстрим в обоих случаях обусловлен самосохранением: японцев – больше экологическим фактором, природной стихией, а горцев-аварцев – человеческим фактором, обусловленным отстаиванием свободы, независимости и борьбой за материальные ресурсы. Естественно, человеческий фактор подразумевает сопряженность отношений психозэмоциональным переживаниям, которые выражаются через вербальные и невербальные (мимика, жестикация, позы и т. д.) формы социальной коммуникации.

Экстремальные условия жизни стали фактором, индуцирующим творческий потенциал этноса, в том числе, духовный, психозэмоциональный. Об этом наряду с благопожеланиями и проклятиями может свидетельствовать богатый устный фольклор аварцев: героический эпос («Хочбар», «Разгром Надыр-Шаха» и др.), любовная лирика («Камалил Башир» и др.) [12], пословицы и поговорки [13], ритуальные плачи, танцевальный фольклор (лезгинка) и др.

Характерной особенностью для жанра благопожеланий и проклятий, наряду с пословицами и поговорками, является его трансформация с учетом социальной динамики и изменяющихся экономических, политических и иных условий. При этом устный фольклор данного жанра трансформируется, с акцентом на наиболее актуальные сферы социальной коммуникации в конкретный исторический период. Так, формула благопожелания «Давла кьеги», в смысле желая удачу во время военного похода, сформировалась и была актуальна в XVII–XVIII вв., и отражала целую полосу военно-политической истории аварцев. Однако вплоть до настоящего времени эта формула осталась в этике общения как вербальный коммуникативный оборот с пожеланием удачи в других сферах социальной жизни, хотя давно утратил свой первоначальный семантический смысл.

Жанр благопожеланий и проклятий является

своеобразным индикатором трансформирующихся социальных условий, в соответствии с которыми он пополняется. Так, в советский период формулы благопожеланий и проклятий пополнялись за счет модернизационных процессов, таких как служба в армии (проводы и встреча), тюремное заключение или же приобретение актуальной материальной ценности, например автомобиля: «Гумар Димаевасул хьунзидаса гладын, / Клулун рупалда тласа кверал инеглан, / Гьаб машиналда жанив хулаги». Перевод: «Подобно рукам гармониста Омара Димаева [14], / Пока руки сами не отстанут от руля, / Чтобы пользовался ты этой машиной» [5, с. 66].

Модернизационные процессы в социально-экономической и политической сферах в советский период нашли отражение также в проклятиях: «Бичун васасе тохтирлгиялдул диплом босарав, / Унтарав мехаль дару гьабизе гьесухъе ккаги», в смысле: «Пусть тот, кто сыну купит диплом врача, / При болезни вынужден будет обратиться к нему же» [5, с. 83]. Таким образом посредством устного фольклора – проклятий в вербальных формулах аварцев нашли отражение негативная ассоциация и оценка отдельных социальных пороков.

Дуальность в жанре благопожеланий и проклятий очевидна, не вызывает сомнений и потому рассматривать их в неразрывном единстве целесообразно хотя бы по той причине, что они обусловлены психозэмоциональными переживаниями, как с позитивной, так и негативной динамикой. Однако в ходе полевых экспедиций информаторы пытаются отрицать у себя бытование проклятий, как общественно порицаемых проявлений в межличностной коммуникации. Эти факты можно интерпретировать психологической обусловленностью феномена, когда информацию, принятую в общественном мнении как негативную, маскируют от окружающих и даже самого себя [15].

Итак, благопожелания и проклятия – взаимосвязанные и взаимообусловленные явления социальной коммуникации, которые обеспечивают диалектическое единство и мировоззренческую целостность в этом жанре.

Заметим и то, что формулы благопожеланий в количественном отношении значительно превосходят проклятия, и сам факт диспропорции в пользу первых является признаком позитивной динамики в социальной коммуникации у аварцев. К тому же многие формулы проклятий из-за чрезмерной гротескности обретают обратный смысл, шуточный характер, с оттенком иронии, внося тем самым психозэмоциональную разрядку и разнообразие в межличностную коммуникацию, а «проклятия» подобного рода пополняют речевой этикет народа. Таковыми

являются, например, следующие «проклятия»: «Дур эбел хвад» – чтобы мать твоя умерла; «Дур эмен хвад» – чтобы отец твой умер; «Дур рач кьотлад» – чтобы хвост тебе отрезали; «Дур инсул глурасал лъуглад» [5, с. 94] – чтобы у твоего отца русские закончились и другие. Такого рода «проклятия» не заключали экспрессивно-деструктивный смысл, а скорее через иронию выражали и подчеркивали позитивный эмоциональный настрой и взаимную расположенность между коммуникантами.

Примечательный и характерный эпизод горского быта с иллюстрацией социально-бытовой коммуникации нашел отражение в описании XIX в. лакцев, где прослеживаются явные аналогии с социумом аварцев: «В это время сидевший с ребенком мужчина вдруг поднял его с колен обеими руками и крикнул:

– Ах, ты, упавший из-под хвоста собаки! да лопнет живот родившей тебя! Эй, чья ты, кто ты, двоюродная сестра, подай воды, – обращаясь к проходившей мимо девушке, лет 17–18.

Та принесла кувшин и начала наливать на запачканный ребенком перед рубашки и верхней части шаровар, а он поставил ребенка на землю, вымыл своими руками сначала запачканную одежду, а потом самого ребенка и, пожелав девушке хорошего жениха, пошел домой...» [16].

Социальная коммуникация посредством вербальных формул – благопожеланий и проклятий у аварцев традиционно гендерно обусловлена. Характерную особенность атмосферы, доминировавшей в традиционной горской семье и обстановке, в которой формировалась ментальность горцев, отчасти можно представить из следующей цитаты: «Глава горской семьи скуп на ласки не только по отношению к взрослым, но даже к своим малолетним детям, особенно при посторонних, на людях. Это воспитывало и выковывало стальные спартанские характеры» [17]. То есть характерной особенностью семейно-бытовых отношений, особенно для мужской части, у аварцев были эмоциональная сдержанность, выдержка. В данном конкретном случае речь идет об отце семейства, сам статус которого предусматривает рассудительность и эмоциональную сдержанность, что не всегда обязательно для других членов и особенно для женской половины. Здесь также прослеживается аналогия с культурой японцев, где «хозяин дома также был обязан содержать свою семью, но какое-либо проявление любви к жене и детям считалось неподобающим» [11].

В условиях четких гендерных и возрастных разграничений у аварцев имелись формулы проклятий, которые для мужчин считались не этикетными и негативно сказывались на их социальной репутации. Напротив, в порыве негативных

эмоций для женщин этикет горцев позволял такие слабости. К таким относятся формулы проклятий, в которых выражается желание смерти наподобие «Гуликье ккад» – чтобы под пулю попал, «Тлураб тлухьидул гула / Рекьон ккаги тлулида» – отлитая свинцовая пуля, / чтобы кстати пришлось к печени [18] и другие.

В то же время имелась определенная, но ограниченная категория проклятий, которая считалась этикетной для мужчин и не ущемляла их гендерную репутацию, например: «Инсул рокьобе глазу байги» – чтобы в доме отца выпал снег [5, с. 91], в смысле, чтобы очаг потух. Особенность выражаемых мужчинами-аварцами проклятий в том, что они адресно не мотивированы и часто выражают текущий или присущий негативный психоэмоциональный настрой коммуниканта. Кстати, здесь необходимо заметить, что, с учетом того, что недоброжелатель реализовывал свой злой умысел скрытно, и, соответственно, его трудно было вычислить, то и мотивация проклятий, как правило, была безадресной. В противном случае, если злоумышленник был известен, то адатом и шариатом предусматривались строго определенные санкции.

Вообще в соответствии с этикетом аварцев проклятия – это средство выяснения отношений, присущее женской половине, физически слабой и эмоционально несдержанной, а более приемлемым и соответствующим мужскому статусу считалось отстаивание своей правоты через физическую силу и психологическую выдержку. Мужская часть могла отчасти компенсировать это психоэмоциональное «табу» ругательством, но – строго в пределах, не роняющих свой гендерный статус и репутацию, что очень важно для маскулинного общества.

Кстати, то же самое можно наблюдать в социальной коммуникации у адыгов, где «мужчинам категорически запрещается использовать в своей речи такие послания» [19] (т. е. проклятия. – *Х.М.*), что позволяет делать вывод об обусловленности явления схожими факторами у народов Кавказа.

Наряду с проклятиями, благопожелания также были гендерно обусловлены. Так, для горца, тем более в молодом возрасте, не этикетным считался восторженный стиль выражения своих позитивных эмоций. Горцы-мужчины находили альтернативные формы благопожеланий для выражения чувств удовлетворения, например за оказанную помощь, порой неожиданные, нестандартные и не обязательно в сию минуту. В горских обществах не этикетным считалось хвалить человека «в глаза», это делалось опосредованно, через одобрение его поступков или же похвалы тухума либо знатного его представителя.

Наряду с гендерным, имелась возрастная специфика индуцирования в данном жанре, когда неэтикетным считалось, чтобы девушка-горянка до достижения определенного возраста выражала свои чувства и отношение посредством благопожеланий, что было вполне прилично для горянки зрелого возраста. Итак, этикетным у аварцев считалось, когда женщины в зрелом возрасте посредством благопожеланий и проклятий выражали свой психоэмоциональный настрой, позитивные и негативные чувства.

По многим позициям благопожелания адекватны застольным тостам (здравицам), но не тождественны им, так как соотношение между ними, как частное к общему. Здравницы – часть благопожеланий и носят, как правило, адресный характер, тогда как диапазон благопожеланий шире и многогранней.

Многие из благопожеланий и проклятий представляют собой устойчивые формулы речевого этикета, в которых наряду с другими жанрами устно-фольклорного творчества воплощаются обычаи, традиции и верования народа. Ближе к этому жанром можно рассматривать ритуальные плачи, которые мотивированы высшими эмоциональными переживаниями и душевным состоянием, вызванные скорбью и отчаянием по поводу невозможной утраты. Именно в такие моменты не бывает потребности в подборе подходящих слов, здесь каждое слово – «крик души» и отчаяния, которое «вырывается» самопроизвольно. В этом смысле жанр благопожеланий и проклятий отчасти близок по духу к ритуальным плачам и созвучен им.

Естественно, что данный жанр, как результат многовековой социальной практики, сконцентрировал в себе народную мудрость, а отдельные из формул благопожеланий непосредственно несут назидательную смысловую нагрузку, что сближает их с жанром пословиц и поговорок. Например, «ХІалтІяль вачунев гурев, хІалтІ бачунев ватаги» – Чтобы не работа тебя вела, а ты – работу; «ГІадан божулареб гІумруялдаса цІунаги» – Упаси от жизни, которой люди не доверяют; «ЛЪикІлЪи гъабурасул квешлъиялдаса цІунаги» – Упаси от вреда того, кому ты сделал добро; «Унтарасул кодове валагъарав тохтурасдаса цІунаги» – Упаси от врача, ожидающего подачек (подношений) от больного [20] и т. д.

Жанр благопожеланий и проклятий порою не имеет строгих границ с другими жанрами устного фольклора. Являясь самостоятельными формулами, они в то же время могут представлять собой пословичные выражения и большие стихотворные тексты, рифмованные сюжеты любовной лирики, прозаические куски сказочного эпоса и неотъемлемую часть свадебного фольклора и похоронного обряда, могут быть частями кален-

дарно-обрядовых песен и заговоров, знахарских магических текстов.

В жанре благопожеланий и проклятий отражаются традиционные и современные представления об общественном и семейном быте, о хозяйственно-экономической деятельности горцев. Здесь также в непосредственной или опосредованной форме нашли отражение многовековые мировоззренческие представления аварцев о добре и зле, чести и достоинстве, мужестве и храбрости, дружбе и патриотизме, думы о смысле жизни и хлебе насущном.

Благопожелания как жанр устного фольклорного творчества могут быть выражены как в стихотворной форме, так и в прозаической, но, как правило, они рифмованы, лаконичны, что делает многие из них доступными и популярными речевыми формулами, которые имеют локальные варианты у субэтносов аварцев. Особенно этот тезис относится к пожеланиям религиозного характера аварцев, в которых выражены земные чаяния и молитвы об их удовлетворении, обращенные к Всевышнему. Наиболее типичная и популярная молитва, которую соблюдал каждый совершеннолетний горец после приема пищи в традиционный период, была следующей: «Хвала Богу! Да умножатся и не уменьшатся (подразумевается хлеб), да не испытаем голода, да не будет недостатка в хлебе и баранах, да будет на хлеб и ягнят хороший урожай, да не настанет для нас день, в который мы позавидуем дыму соседа. Боже, помогай правоверным, пошли к умершим предкам нашим благодать за все, что мы ели и пили, и не отлучи нас от веры, когда нам придется догнать своих предков. Аминь» [16, с. 22].

В отдельных случаях в формулах благопожеланий и проклятий вначале идет обращение к Всевышнему «Я, Аллагъ!», а затем следует сама формула, например: «Я, Аллагъ, баракатгун рахІматгун ятаги къватіе яхъуней» – О, Аллах, чтобы с благодатью покидала этот дом (такими словами невесту сопровождали в дом жениха); «Дунялалъул ахиралдаги, / Ахираталъул аваладаги, / Аллагъ нижеда гурхІа» – В конце жизненного пути и в начале вечной жизни, чтобы Аллах смилостивился над нами; «Аллагъ кІочараб бечелъиялдасаги цІунаги, / Чи гурхІараб язихълъиялдасаги цІунаги» – Упаси от достатка (изобилия), вынуждающего забыть Аллаха, и убожества, вынуждающего сжалиться человека [21]. Эти и другие формулы благопожеланий, а соответственно и проклятий, непосредственно или опосредованно обращены к божественным силам и призваны решать вполне земные проблемы.

Несмотря на то, что благопожелания и проклятия представляли собой устойчивые вер-

бальные формулы, это не исключало свободную импровизацию и экспромт, на которую были способны многие из пожилых горянок.

Во многих произведениях любовной лирики аварцев благопожелания и проклятия встречаются в диалектическом единстве, в плавном взаимном сочетании, иной раз переходят друг в друга так, что сложно их разграничить. Таким, например, является следующий стих, где влюбленная свои трогательные чувства к возлюбленному выражает так:

«Борхатаб маґарде мун цвараб мехаль,
Щвайги дун раклалде, клогеги чезе.
Кіклалал кьваридальув лъугьарав мехаль,
Къайги дун каранда, квен билъунгеги».

«Когда ты поднимаешься на высокую гору –
Чтоб покой потерял, вспомнив обо мне.
Когда спустишься в глубокое ущелье –
Чтоб пропал аппетит, вспомнив обо мне».

[5, с. 14].

Одной из характерных особенностей благопожеланий наряду с лаконичностью является их естественный позитивный заряд. Порою в одну фразу горцы умели вкладывать столько положительных эмоций и позитивного заряда, что невольно вызвали одобрение и ответную реакцию вместе с приветливой улыбкой у коммуниканта. Таковыми были формулы вербальной коммуникации: по отношению к знакомым и даже незнакомым – типа «брат», «сестра», к старшим – «отец», «мать» и т. д. Такая корректность и коммуникабельность в среде горцев ценилась и являлась устойчивым атрибутом и приоритетом горского этикета и культуры поведения.

С хозяйственно-экономической деятельностью аварцев связаны значительное число формул благопожеланий, что естественно с учетом высокой актуальности для горцев земледелия и скотоводства, как базовых источников материального обеспечения. Так, горцы-скотоводы в пожелании «Хасел ингун их цваги» – Да наступит весна сразу после зимы, в лаконичной и емкой форме выразили свое чаяние скорейшего выгона скотины на подножный корм после продолжительной зимы, тем более, что запасы сенажа при горских экстенсивных методах были ограничены. Таких вербальных формул, связанных со скотоводством, у аварцев встречается много.

Не меньше у горцев формул благопожеланий, обусловленных спецификой земледелия. Таким, например, является формула благопожелания: «Хурул хьональ чехь ґорцлагги, чохьол хьональ ракл бохаги», которая переводится: «Плодами с поля живот чтобы насытился и плоды с утробы чтоб порадовали». Такой же смысл имеет формула «Давла хурисан кьеги, хвел бусадасан кьеги» – Чтобы прибыль от поле-

водства была, а смерть наступила бы в постели. Или же, напротив, проклятие: «Хурул хьональ чехь ґорцлаггеги, чохьол хьональ ракл боххугеги» – Плодами с поля живот чтобы не насытился, а плоды из утробы чтоб сердце не порадовали [22], является одним из самых негативно-экспрессивных.

В устном фольклоре аварцев в яркой и лаконичной форме отразились веками выверенный социальный опыт и мудрость, относительно полно выраженные в пословицах и поговорках аварцев. То же самое можно наблюдать в жанре благопожеланий и проклятий, где каждая формула имеет строгую структурную композицию, а слова несут смысловую нагрузку, пронизанную искренним желанием добра и благополучия, или же, напротив, депрессивную нагрузку. Например, формула благопожелания «Дунялалъул балагъздасаги, ахираталъул ґазабаздасаги цунаги» имеет смысл «Упаси от земных страданий и мук загробной жизни».

Философско-бытовой смысл и содержание заложены в следующей формуле благопожелания, которое связывают с именем Имама Шамиля: «Хвезеглан члаго хутлагги» – Чтоб остался живым до смерти. Здесь подразумевается, что земная жизнь должна быть активной и деятельной, а пассивное существование равносильно преждевременной смерти.

Таким образом, в благопожеланиях аварцев заключен многовековой социальный опыт и народная мудрость, которая исторически выверена, очистилась от ненужной «шелухи», оставив все ценное, мудрое и актуальное.

Классифицировать благопожелания по строго определенной схеме на практике затруднительно по причине широкого диапазона использования стереотипных текстов. Однако классификация возможна и, не претендуя на исчерпывающую полноту, представляется рациональным придерживаться следующей структуры, которая соответствует основным жизненным циклам аварцев:

Благопожелания:

1. Любовно-лирического содержания;
2. Свадебно-обрядовые;
3. Обусловленные рождением сына или дочери;
4. Семейно-бытового характера;
5. Обусловленные хозяйственно-экономической деятельностью;
6. Напутствие (проводы в армию, гостей, кунаков, друзей и т. д.);
7. Соболезнование по поводу утраты близких людей или слова сочувствия;
8. Религиозного характера и молитвы-прошения;
9. Обусловленные различными событиями жизни (ситуативно-бытовые).

Проклятия аварцев, как отмечалось, заслуживают не меньшего внимания, чем благопожелания. Наряду с благопожеланиями, через проклятия народ выражает свои чаяния, посредством отрицания негатива утверждает и ориентирует на позитив и тем самым способствует нравственному очищению общества. В народе бытует твердая вера в то, что обоснованно мотивированные проклятия оказывали должный эффект, а не мотивированные, напротив, оборачивались злом. И едва ли не в каждом обществе можно найти примеры в подтверждение данному тезису. Так, в Салатавском сел. Гуни сохранилось предание о случае, которое имело место в XIX в. Некий житель селения по имени Али завещал своим двум сыновьям довольно обширный земельный надел. Заодно небольшой надел земли по завещанию был предназначен дочери Меседо на тот случай, если она разведется и останется без своего уголка и крова. Вскоре один из сыновей заложил фундамент для строительства дома именно на том месте, которое было завещано Меседо. При этом уговоры отца на него не повлияли и с общественным мнением он не посчитался. Тогда Меседо прокляла своего брата словами: «Бихьин кетуяль бачлун, цуяб кету кьинльугеги гьоб кьавуль», в смысле – Чтобы кошка, приведенная котом, не давала приплод в этом хозяйстве [23]. Сельчане отмечают, что до настоящего времени в этом хозяйстве не приживается крупный рогатый скот.

Примеры, аналогичные этому, можно найти также в других горских обществах, они обрели назидательный смысл и тем самым оказывают позитивный эффект на нравственное самоочищение социума.

Придерживаться какой-либо определенной схемы при систематизации проклятий затруднительно, однако попытаться можно.

К первой категории можно отнести формулы проклятий, которые сводятся к пожеланию смерти обидчику. В количественном отношении таких формул относительно немного, они вариативны, но суть содержания одна. К числу таких, например, относятся: «Мац! лъаларев цюгьор хваги / Цар лъаларев тушман хваги» – Немой вор пусть погибнет, неизвестный враг пусть умрет; «Чиван хвад» – Чтобы умер насильственной смертью; «Никкиеглан кьокьльаги глумру» – Чтобы жизнь стала короче, как у слепня; «Бегулеб кьуруде гьоркье ккаги, / Кьвагулеб туманкьалде цеве ккаги». – Под рушащую скалу чтобы попал, / Чтобы перед дулом стреляющего ружья оказался [24] и т. д.

Другая часть текстов проклятий носит характер любовной лирической словесной перепалки: «Дие мун гьадинан дуйго хьасратаб, / бахъайги дуниял духъа Аллагъас» – Подобно нашей люб-

ви, милый, для тебя, / Чтоб лишил тебя Аллах света белого; «Гьазада найил гьадин лъалкь кьосаги» – Чтобы след пропал, словно зимой у пчелы (в смысле исчез); «Анкьабго ракъ хъвалхьун жаний лъеяй дун, / Ячунарей лъайдал духъ балагъарай. / Анкъабго зоб гьугъан, лъед йосаяй дун, / Ахир гьечлев дургун рокьи гьабурай» – Чтобы схоронили меня во глубине семи земель, / зная, что не женишься, поверила тебе. / Под гром дождя на семи небесах чтоб водой меня унесло за то, / что любовь без конца (не определенную) затеяла с тобой [5, с. 86].

Третья категория текстов – это ситуативные проклятия, диапазон мотивации которых широк: «Бакъул канлъиялъухъ урхъун хутлаги» – Чтобы страдал по лучам солнца; «Наглана батаги дуге». – Будь ты проклят, и т. д.

В отдельную категорию проклятий можно выделить формулы, которые имеют шуточный характер, ироничный смысл или из-за гротескности и потому нереальности приобретшие таковой. К числу подобных относятся, например, следующие:

«Члужу члухлун хлорлъаги,
Хлама кьинлъун воххаги,
Хлурулъ дада вукъаги
Рокъобе глазу байги.
Божарав гьоболасе
Панкъие жо щогеге.
Гьалбал рачлараб кьояль
Кьинлъизе члужу ккаги».

Перевод:

Чтоб жена тебя бросила,
возгордившись,
Чтоб обрадовался тому,
что ослица родила,
Отца чтоб в пыли похоронил,
Чтобы в доме снег выпал.
Чтоб близкого гостя
Нечем было кормить.
В день, когда гости нагрывают,
Чтобы жене пришлось рожать [5, с. 93].

Гротескный характер имеет также следующий текст «проклятия»:

«Зодоб бугеб цьа
риккьлун цьани кьеги,
Цьанада бугеб рас риккьлун
балагъ рещтлаги,
Таладужъан эхебе рокъобе,
Поклаб члечого.

Перевод:

По количеству звезд на небе
чтобы козы были,
По количеству волос на козах
бед послали с неба
Через дымоходную трубу
Беспрерывно» [5, с. 95].

С учетом актуальности материальных ресур-

сов и соответствующей хозяйственной активности, часть проклятий обусловлена спецификой экономической спецификой аварцев.

Итак, проклятия можно систематизировать по следующей схеме:

1. С выраженным агрессивно-негативным смыслом, (варианты с пожеланием смерти обидчику);
2. Любовно-лирическая словесная перепалка;
3. Ситуативные проклятия с широким диапазоном применения;
4. С иронично-шуточным содержанием.

В каждом джамаате наряду с импровизированными плакальщицами были особы, имевшие нелестную репутацию способных к проклятиям, как правило, это были люди с каким-либо изъяном физического или психического характера. В обществе старались к таким проявлять повышенное внимание, чтобы не гневить их и не обратит гнев на себя. Число их в каждом джамаате было ограничено, в среднем в каждом обществе такой репутацией обладали 2–3 женщины.

Гораздо больше было представительниц, имевших репутацию добродушных, которые имели в арсенале значительный запас формул благопожеланий, а также свободно импровизировали их при каждом подходящем случае.

Нереально представить в этом качестве мужчин любого возраста, а тем более снискавших себе репутацию в этой роли. Поэтому данный жанр устного фольклорного творчества в культуре аварцев строго гендерно обусловлен.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что экстремальные условия жизни, в которых волею судьбы может оказаться этнос, способны индуцировать, наряду с физической, его повышенную психоэмоциональную активность. Экология проживания обусловила духовную (психоэмоцио-

нальную) активность аварцев, результатом чего явился богатый устный фольклор народа, в числе которого жанр благопожеланий и проклятий занимает заметное место.

Этот жанр, так же как и другие, формировался в соответствии с социальными потребностями, сложился в вербальные формулы – благопожелания и проклятия, трансформировался в зависимости с изменяющимися общественно-политическими условиями и сконцентрировал в себе предшествующий опыт социальной практики и народную мудрость.

Как коммуникативное средство благопожелания и проклятия являлись инструментом компенсации сложных социальных отношений, сопряженных с частыми конфликтами у аварцев. Острота социальных отношений примерно пропорциональна средствам компенсации – благопожеланиям и проклятиям, которые способствовали созданию благоприятного фона для функционирования этноса, как единого и динамичного социокультурного организма.

Характерной особенностью для данного жанра является его возрастная и гендерная обусловленность. В силу повышенной эмоциональности в основном женщины выражали свои чувства посредством благопожеланий и проклятий, а для мужчин подобное поведение не всегда считалось этикетным и соответствующим гендерному статусу.

Систематизация жанра благопожеланий возможна в соответствии с основными жизненными циклами и сферами социальных отношений народа.

Возможна также систематизация проклятий, которая будет рациональна по следующей схеме: с агрессивно-негативным смыслом; любовно-лирического содержания; ситуативные; с иронично-шуточным содержанием.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований.

ПМА – полевой материал автора.

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах

ЛИТЕРАТУРА

1. **Магическая поэзия народов Северного Кавказа: Сб. ст. / Отв. ред. Аджиев А.М.; Сост. Халилов Х.М. – Махачкала: Даг. фил. АН СССР, ИИЯЛ им. Г. Цадасы, 1989.**
2. **Аджиев А.М. Героико-исторические песни кумыков / Отв. ред. Юсуфов Р. – Махачкала: Даг. фил. АН СССР, ИИЯЛ им. Г. Цадасы, 1971; Халилов Х.М. Песенные жанры фольклора народов Дагестана // Жанры фольклора народов Дагестана. Редкол.: С.М. Хайбуллаев (отв. ред.) и др. – Махачкала: Даг. фил. АН СССР, ИИЯЛ им. Г. Цадасы, 1979.**
3. **Абакарова Ф.О., Алиева Ф.А. Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. – Махачкала, 1999.**
4. **Халилов Х.М. Устное народное творчество лакцев. – Махачкала, 2004.**
5. **Магомедсалихов Х.Г. Благопожелания и проклятия аварцев. Тексты, переводы, комментарии. – Махачкала: Деловой мир, 2007.**
6. **Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. – СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1890. Т. 1. С. 27.**
7. **Марков Е. Очерки Кавказа. – СПб., М., 1887. С. 540.**
8. **Газета «Дагестанские областные ведомости». 1913. № 16.**
9. **Комаров А.В. Адамы и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. 1. – Тифлис, 1868. С. 70.**
10. **Алибекова П.М. Из историко-хроникальных записей Дибир-Кади из Хунзаха (XVIII – нач. XIX в.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала: Наука-Дагестан, 2014, № 2 (38). С. 10.**
11. **Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы // Интернет ре-сурс: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st004.shtml>**
12. **Антология аварской поэзии. Редколлегия: Магомедов М. и др. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958.**

13. Авар кичабиваабиял. Аварские пословицы и поговорки. / Сост. З. Алиханов и С. Алиханов. – Махачкала: Эпоха, 2012.
14. Омар Димаев – популярный чеченский гармонист 70-х гг. XX в.
15. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. 3-е издание. – М.-СПб: Питер, 2007. С. 94.
16. Омаров А.К. Как живут лаки // ССКГ. Тифлис, 1870. Выпуск III. Репринтное воспроизведение. – М.: МНТПО «АДИР», 1992. С. 15–16.
17. Самурский (Эфендиев) Н. Дагестан. – М.-Л.: Госиздат, 1925. С. 42.
18. ПМА-1. Экспедиция в Казбековский район РД в 2007 г. Информанты: Айтимерова Зубайрат, 1937 года рожд., Гаирбекова Умбарагын, 1935 года рожд., Салихов Салих, 1957 года рождения.
19. Бгажноков Б.Х. Отрицание зла в адыгских тостах. – Нальчик: Издательство КБИГИ, 2010. С. 26.
20. ПМА-2. Экспедиция в Унцукельский район РД в августе 2008 г. Информант Мусалмагомедова Патимат, 1940 года рождения.
21. ПМА-3. Экспедиция в Шамильский район РД в июле 2009 г. Информанты: Умарова Патикат, 1940 года рожд., Ибрагимова Хадизат, 1947 года рожд., Гаджимагомедов Гаджимагомед, 1942 года рождения.
22. ПМА-4. Экспедиция в Цумадинский и Цунтинский районы РД в июне 2010 г. Информанты: Магомедалиев Биякай, 1949 года рожд., Хасбулатова Патимат, 1956 года рождения.
23. ПМА-5. Экспедиция в Унцукельский, Гумбетовский, Казбековский, Гергебильский, Шамильский районы РД в июне 2014 г. Информанты: Магомедова Патимат, 1967 года рожд., Кадиева Патимат, 1948 года рожд., Гусейнова Аминат, 1960 года рожд., Магомедмирзаев Магомед, 1938 года рождения.
24. ПМА-6. Экспедиция в Тляротинский, Чародинский, Гунибский, Хунзахский районы РД в 2014 г. Информанты: Курбанов Лабазан, 1947 года рожд., Магомедова Патимат, 1942 года рожд., Шаруханова Савалат, 1933 года рожд., Магомедкамилова Сарат, 1942 года рожд., Хизригаджиева Жавабика, 1947 года рождения.

FAVORINGS AND CURSES OF AVARIAN PEOPLE: SOCIALLY-COMMUNICATIVE FUNCTIONS, TYPOLOGY

Kh.G. Magomedsalikhov

doctor of historical sciences, Dagestan scientific center (Haibula45@mail.ru)

Abstract. In this article the subject of the analysis can be formulated as the original genre of the Avar's verbal folklore – good wishes and curses. The sociocultural conditionality to the formation of the genre is examined as well as its transformation during the process of social dynamics. Much attention is being paid to the conditionality of the genre to age- and gender-related peculiarities. The analysis also focuses attention on the link among good wishes and curses and psycho-emotional features of the Avar which depend on the high frequency of the conflicts. The attempt to systematize good wishes and curses is made in the article.

Keywords: Avar, good wishes, curses, ecology, systematization.

REFERENCES

1. Magicheskaya poeziya narodov Severnogo Kavkaza: Sb. st. / Otv. red. Adzhiev A.M.; Sost. Khalilov X.M. – Makhachkala: Dag. fil. AN SSSR, IYaLim. G. Tsadasy, 1989.
2. Adzhiev A.M. Geroiko-istoricheskie pesni kumykov / Otv. red. Yusufov R. – Makhachkala: Dag. fil. AN SSSR, IYaLim. G. Tsadasy, 1971; Khalilov X.M. Pesennye zhanryfol'klora narodov Dagestana // Zhanry fol'klora narodov Dagestana. Redkol.: S.M. Khaybullaev (otv. red.) i dr. Makhachkala: Dag. fil. AN SSSR, IYaLim. G. Tsadasy, 1979.
3. Abakarova F.O., Alieva F.A. Ocherkiustno-poeticheskogo tvorchestva dargintsev. Makhachkala, 1999.
4. Khalilov Kh.M. Ustnoe narodnoe tvorchestvo laktsev. – Makhachkala, 2004.
5. Magomedsalikhov Kh.G. Blagopozhelaniya i proklyatiya avartsev. Teksty, perevody, kommentarii. Makhachkala: Delovoy mir, 2007.
6. Brokgauz F.A., Efron I.A. Entsiklopedicheskiy slovar'. SPb.: Brokgauz – Efron, 1890. T. 1. S. 27.
7. Markov E. OcherkiKavkaza. SPb., M., 1887. S. 540.
8. Gazeta «Dagestanskije oblastnye vedomosti». 1913. №16.
9. Komarov A.V. Adaty sudoproizvodstvo po nim // SSKG. Vyp. 1. Tiflis, 1868. S. 70.
10. Alibekova P.M. Iz istoriko-khronikal'nykh zapisey Dibir-Kadiiz Khunzakha (XVIII–nach. XIX v.) // Vestnik Instituta istorii, arkhologii i etnografii. Makhachkala: Nauka-Dagestan, 2014, № 2 (38). S. 10.
11. Pronnikov V.A., Ladanov I.D. Yapontsy // Internet resurs: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st004.shtml>
12. Antologiya avarskoy poezii. Redkollegiya: Magomedov M. i dr. Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958.
13. Avar kitsabivaabiyal. Avarskie posloviytsy i pogovorki. / Sost. Z. Alikhanovi S. Alikhanov. Makhachkala: Epokha, 2012.
14. Omar Dimaev – populyarnyy chechenskiy garmonist 70-ykh gg. KhKh v.
15. Antsupov A. Ya., Shipilov A.I. Konfliktologiya. 3-e izdanie. M., SPb: Piter 2007. S. 94.
16. Omarov A. Kak zhivut laki // SSKG. Tiflis, 1870. Vypusk, III. Reprintnoe vosproizvedenie. – M., MNTPO «ADIR», 1992. S. 15 – 16.
17. Samurskiy (Efendiev) N. Dagestan. M., L.: Gosizdat, 1925. S. 42.
18. PMA-1 Ekspeditsiya v Kazbekovskiy rayon RD v 2007 g. Informanty: Aytimerova Zubayrat 1937 goda rozhd., Gairbekova Umabaragin 1935 goda rozhd., Salikhov Salikh 1957 goda rozhdeniya.
19. Bgazhnokov B.Kh. Otritsanie zla v adygsikh tostakh. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBIGI, 2010. S. 26.
20. PMA-2; Ekspeditsiya v Untsukul'skiy rayon RD v avguste 2008 g. Informant Musalmagomedova Patimat 1940 goda rozhdeniya.
21. PMA-3; Ekspeditsiya v Shamil'skiy rayon RD v iyule 2009 g. Informanty: Umarova Patikat 1940 goda rozhd., Ibragimova Khadizhat 1947 goda rozhd., Gadzhimagomedov Gadzhimagomed 1942 goda rozhdeniya.
22. PMA-4; Ekspeditsiya v Tsumadinskiy i Tsuntinskiy rayony RD v iyune 2010 g. Informanty: Magomedaliev Biyakay 1949 goda rozhd., Khasbulatova Patimat 1956 goda rozhdeniya.
23. PMA-5; Ekspeditsiya v Untsukul'skiy, Gumbetovskiy, Kazbekovskiy, Gergebil'skiy, Shamil'skiy rayony RD v iyune 2014 g. Informanty: Magomedova Patimat 1967 goda rozhd., Kadieva Patimat 1948 goda rozhd., Guseynova Aminat 1960 goda rozhd., Magomedmirzaev Magomed 1938 goda rozhdeniya.
24. PMA-6; Ekspeditsiya v Tlyarotinskiy, Charodinskiy, Gunibskiy, Khunzakhskiy rayony RD v 2014 g. Informanty: Kurbanov Labazan 1947 goda rozhd., Magomedova Patimat 1942 goda rozhd., Sharukhanova Savalat 1933 goda rozhd., Magomedkamilova Sarat 1942 goda rozhd., Khizrigadzhieva Zhavabika 1947 goda rozhdeniya.